

Глава 1

Всадники. Год Тринадцатый

Иерусалим, Новая Палестина

Новый день начинается, как и большинство предыдущих. С кошмара.

Взрыв гремит в ушах, ударная волна сбивает с ног, я падаю в воду.

Тьма. Пустота. А затем...

Я судорожно хватаю ртом воздух. Повсюду вода и огонь, и... и... боже, эта боль — только боль, боль, боль. От ее острых укусов перехватывает дыхание.

— Мама! Мама, мамочка!

Я ее не вижу. Никого не вижу.

— Мам!

Небо нависает над головой, я кашляю от дыма. Ремень сумки обвился вокруг лодыжки и тянет меня все ниже.

Нет! Я брыкаюсь, стараюсь выбраться на поверхность, но все напрасно — цель только отдаляется.

Легкие пылают. Солнечный свет тускнеет, как бы сильно я не сопротивлялась.

Открываю рот, чтобы позвать на помощь.

И захлебываюсь водой...

Со вздохом я сажусь на кровати.

На стене мерно тикают часы, маятник раскачивается — вперед-назад, вперед-назад.

Пытаясь перевести дыхание, касаюсь пальцами шрама у основания шеи. Простыни сбились, опутали лодыжки. Я выбираюсь из них и сползаю с постели. Прихватив коробок спичек, зажигаю масляную лампу. Вспыхнувший огонек на мгновение выхватывает нашу семейную фотографию, но я тут же поднимаю руку выше, освещая часы.

3:18 утра.

Ох... Растираю лицо ладонями, ставлю лампу на верстак, отодвигая то, чем он завален: перья, стеклянные наконечники, кусочки пластика.

С тоской смотрю на кровать. Увы, заснуть уже не получится, а значит, вариантов два: взяться за последний заказ, либо отправиться на охоту. Бросаю взгляд на стену, где, едва различимые в темноте, висят несколько моих последних работ: просмоленные луки и расписные стрелы.

Шикарное оружие ручной работы теперь продается за копейки.

В комнате слишком темно, не рассмотреть висящие на той же стене фотографии, но я ощущаю, как в горле встает ком.

Пока недавний кошмар еще свеж, мне не хочется оставаться наедине с воспоминаниями, наполняющими эту квартиру.

Решено — вперед, за добычей!

Под подошвами ботинок хрустит гравий. Я петляю по улицам Иерусалима, вооружившись верным луком, колчаном со стрелами и холщовой сумкой, в которую складываю находки. На бедре висит кинжал, а в сумке лежит небольшой топорик.

Прохожу мимо пустой мечети; когда я вернусь, она будет полна народа. В конце улицы — синагога, темная и зловещая, с заколоченными провалами окон. Некогда величественное здание сейчас выглядит смиренно, словно не его стены прежде гордо возносились к небу. Улицы пусты, лишь изредка попадаются палестинские патрули. Меня они не трогают, но провожают долгими мрачными взглядами.

Когда-то все было иначе. Я смутно помню детство, но оно было счастливым. В те дни мне не о чем было беспокоиться, а это почти равнозначно счастью. Теперь же тревоги камнем давят на плечи. И даже недавний кошмар кажется более реальным, чем та, прошедшая жизнь. Я оглядываюсь, нащупывая на запястье браслет с амулетом-хамсой*. Стоит лишь не-

---

* Хамса — ближневосточный защитный амулет в форме открытой ладони с пятью пальцами. Мусульмане также называют этот символ «рука Фатимы», а иудеи — «рука Мириам». — *Здесь и далее прим. пер.*

много расслабиться, почувствовать себя чуть спокойнее, как кто-нибудь нападет.

Да, когда-то все было иначе, но вот она, моя реальность. С тех самых пор, как на землю ступили Всадники. Перед глазами вновь проносится первый день их Пришествия, словно он был только вчера.

Я в четвертом классе. Лампочки на потолке одна за другой вспыхивают и взрываются, в ушах звенит от криков одноклассников. Мне не повезло — я сидела у самого окна и видела, как машины, чьи двигатели замерли в одну секунду, врезались во все — во всех, — что оказывалось у них на пути.

Я видела, как машина сбила женщину, видела ее широко распахнутые глаза за секунду до столкновения. Иногда, вспоминая это, вместо незнакомой женщины я вижу своего отца. Интересно, с ним было так же? Я не видела его изуродованное тело, только слышала, что его сбил автобус.

Люди говорят, что жизнь изменилась в один миг, и я с ними согласна. Рождение, смерть и четверо странных мужчин, явившихся на землю, чтобы уничтожить мир, — вот составляющие этих перемен.

Но самые коварные изменения происходят постепенно. Первый день закончился, начался второй, и оказалось, что нужно выживать в мире, где машины больше не ездят, телефоны не звонят, компьютеры не работают, и множество людей погибли в одночасье. Но со временем мы привыкли к этой ужасной жизни. Так я прожила большую часть своих двадцати двух лет.

Я направляюсь в западный конец города. Прохожу мимо голубятни, где в этот ранний час тоже тихо. Раньше новости можно было узнавать мгновенно. Теперь же самый быстрый способ отправки сообщений — почтовые голуби, и нет никаких гарантий, что письмо доберется до адресата с первой попытки... И вообще доберется.

Уже целый месяц по ночам очень тихо. Здесь никогда не было особенно шумно, но эта тишина *другая*. В безветренном воздухе ощущается тревога.

Наверное, это всего лишь слухи... Однако с востока к нам приходят странные истории, похожие на страшилки, которые рассказывают у костра темной ночью. Истории о том, как вымирают целые города. Об улицах, усеянных костями, и о кладбищах, земля на которых изрыта свежими могилами. И посреди руин и хаоса с мечом в руке, верхом на кроваво-красном жеребце, едет Война.

Не знаю, насколько эти рассказы правдивы — теперь слишком многому приходится верить на слово, — но в последнее время жители Иерусалима подавлены больше обычного. Некоторые покидают город... Я бы тоже уехала, если бы у меня были деньги, чтобы добраться туда, куда я хочу. Но увы, денег нет, и я остаюсь.

Я приближаюсь к Иудейским горам, которые окружают город, и вдруг слышу эхо шагов за спиной. Возможно, это кто-то из Братства мусульман... Или палестинские полицейские. Или такой же *призрак*, как я. Или проститутка, которая ищет клиента.

Скорее всего, ничего серьезного. И все же я мысленно повторяю пункты из кодекса выживания. «Руководство по выживанию в этом гребаном мире», составила я, Мириам Альмахди». Итак:

1. Не нарушай правила, а обходи их.
2. Всегда говори правду.
3. Не привлекай внимания.
4. Прислушивайся к своим инстинктам.
5. Будь храброй.

Пять простых правил, которые — даже если соблюдать их не всегда было легко — помогали мне оставаться в живых последние семь лет.

Прибавляю шаг, в надежде оторваться от того, кто идет за мной. Шаги за спиной тоже становятся быстрее. Я вздыхаю. Сняв с плеча лук, достаю из колчана стрелу, натягиваю тетиву и, резко обернувшись, целюсь в темную фигуру.

— Стой, где стоишь! — приказываю я.

Темный силуэт замирает метрах в десяти от меня. Поднимает руки, делает небольшой шаг вперед.

— Я просто хотел узнать, что такая девушка делает на улице одна в столь поздний час! — выкрикивает мужчина.

Варианты с проституткой и полицией можно вычеркивать. Он либо из Братства, либо из какой-нибудь местной банды. Или обычный горожанин, который ищет женской ласки за деньги. И, конечно, он может

оказаться *призраком*, как и я, и хочет отобрать мою добычу.

— Я не проститутка, — предупреждаю его.

— Я этого и не думал.

Еще один вариант отпадает.

— Если ты из Братства, — продолжаю я, — имей в виду: я уже внесла плату за этот месяц.

Плату за возможность спокойно передвигаться по городу.

— Я не из Братства, — отвечает мужчина.

Призрак?

Он делает шаг ко мне, затем еще один. Снова натягиваю тетиву, лук поскрипывает от натуги.

— Я не причиню тебе вреда, — говорит мужчина так тепло, что хочется ему поверить. Но я давно верю не словам, а делам.

Значит, он преступник. Люди заговаривают тебе зубы, только если им что-то нужно. Что бы ему ни понадобилось, уверена, мне это не понравится.

— Сделаешь еще шаг, и я выстрелю, — говорю я.

Мы замираем друг напротив друга. Незнакомец стоит в тени, между пятнами газовых фонарей. Я почти не вижу его, но, кажется, он собирается уйти. Мудрое решение.

Однако шаги возобновляются — один, второй, третий...

На мгновение закрываю глаза. День начинается из рук вон плохо!

Мужчина идет быстрее; наверное думает, что я не выстрелю. Он же не знает, что для меня в этом нет ничего нового.

Прости.

Я отпускаю тетиву.

В темноте я не вижу, куда попала стрела, но слышу сдавленный вздох и звук, с каким падает тело. Несколько секунд стою, не шевелясь. Потом медленно опускаю лук и подхожу ближе, готовая в любой момент выхватить кинжал.

Стрела вонзилась в горло, по земле растекается кровь. Мужчина тяжело дышит, хрипит, судорожно сжимает стрелу пальцами. Я вглядываюсь в его лицо. Как и следовало ожидать, он мне не знаком. Вот и хорошо.

Замечаю сумку незнакомца и, присев на корточки, начинаю в ней рыться. Веревка, лом, нож... Набор убийцы-новичка. Мне становится не по себе. У большинства плохих поступков есть причины — жадность, власть, похоть, чувство, стремление сохранить свою жизнь, но столкнуться с человеком, который хочет причинить тебе боль не ради высокой цели, а просто ради удовольствия, неприятно.

Незнакомец дышит все реже, потом затихает. Его грудь перестает вздыматься. Убедившись, что он умер, вытаскиваю стрелу из тела, вытираю о его штаны и убираю обратно в колчан. Никто не станет выяснять, что тут произошло. Никто не будет наказан. А к обеду, когда солнце поднимется высоко, тела

уже здесь не будет — его уберут, и город вскоре обо всем забудет.

В последний раз взглянув на мужчину, вновь касаюсь пальцами браслета с амулетом и продолжаю путь.

Иду к холмам на западе, стараясь не думать об убитом и о том, чего он хотел. И еще о том, как я, не дрогнув, спустила тетиву. Потираю лоб, провожу рукой по губам. Я начинаю все проще относиться к смерти, и это настораживает.

Холмы плавно перетекают в горы, и я сворачиваю с дороги в небольшой лесок. Солнце поднимается все выше, темно-синее небо становится пепельно-серым. Выше на склоне холма стоит заброшенный недостроенный дом.

Я направляюсь к нему. Остовы домов, нагромождения блоков и арматуры стали привычным зрелищем, но мне нужно не здание, а деревья, окружающие его. Подойдя к сосне, достаю из сумки топорик и начинаю рубить толстую ветку. Из этой древесины получают лучшие луки и стрелы.

Проходит четверть часа, и вдруг мне кажется, что я что-то слышу. Замираю, повернувшись к дороге, прислушиваюсь. Холмы, покрытые деревьями, окутывает тишина... Секундочку! Вот, снова... Едва слышно. Не понимаю, что это, но звук ровный и размеренный. Может быть, одинокий путник? Бросившись к дому,

тихо проскальзываю внутрь. Не хочется второй раз за ночь нарываться на неприятности.

Пол покрыт грязью, засыпан сухими листьями. Я замечаю несколько окурков. Судя по всему, этот дом начали строить уже после Пришествия — на стенах нет ни розеток, ни тонких водопроводных труб. Когда на землю явились Всадники, о подобной роскоши пришлось забыть, и, как бы мы ни пытались, восстановить ничего не удалось.

Стараясь держаться в тени, пробираюсь к пустому оконному проему. Чувствую себя трусихой, которая прячется из-за любого шороха, но я считаю, что лучше быть трусом, чем трупом.

Через некоторое время звук становится громче, теперь он слышен отчетливо.

Цок. Цок. Цок.

Кто-то едет верхом.

Осторожно выглядываю из окна. Небо окрашивается розовым, растущие вокруг дома деревья и кусты частично заслоняют от меня дорогу, и путешественника пока не видно. Но когда его удастся разглядеть... Я ахаю.

На кроваво-красном жеребце скачет не человек, а настоящий монстр. За спиной у него тяжелый меч, в темных волосах поблескивают золотые монеты, глаза густо подведены черным. Из-за высоких скул и хмурого выражения лица он кажется бесчувственным, будто закаменевшим.

В первое мгновение мозг просто отказывается воспринимать увиденное. Потому что все это не-

правильно! Не бывает у лошадей такой алой шерсти, не может человек быть таким огромным, даже сидя верхом. Впрочем, если слухи не врут, кое-кто все-таки может...

Меня бьет дрожь.

Нет!

Господи, нет.

Ведь, если слухи о его внешности правдивы, значит, мужчина, на которого я смотрю... Война?

Легкие сдавливает от одной мысли.

Если слухи не лгут... Иерусалиму конец!

С губ срывается вздох, и Война — если это, конечно, он — поворачивается в мою сторону. Я отшатаываюсь от окна. Боже мой, боже мой, боже мой! Это же Всадник Апокалипсиса! Всего в двадцати метрах от меня.

Стук копыт стихает, а затем внезапно раздается в стороне от главной дороги. Слышу, как мерное *цок-цок-цок* приближается ко мне.

Зажимаю рот рукой, стараюсь не дышать и крепко зажмуриваюсь. Слышу хруст сухих веток под копытами, громкое фырканье коня.

Не знаю, насколько близко успел оказаться Всадник, прежде чем остановился. Кажется, он замер у самой стены, и если я поднимусь и высуну руку из окна, то смогу погладить его алого жеребца. От этой мысли волоски на руках встают дыбом.

Я жду, когда Всадник спешится. Неужели это действительно Война?

А почему нет? Иерусалим на протяжении столетий был центром нескольких религий. Неплохое место для конца света — есть даже предсказание, что в Судный день он начнется именно здесь. Так что удивляться нечего. И все же я потрясена...

Проходит несколько мучительно долгих минут, и шаги жеребца Войны — черт, кажется, я все же признаю, что это Война — начинают удаляться. Жду, пока Всадник отъедет подальше, и только тогда позволяю себе всхлипнуть. От пережитого страха по щеке стекает слеза.

Боже мой!

Не двигаюсь. Нельзя, Война еще слишком близко.

Но стоит мне подумать, что он наконец-то уехал, вновь раздается стук копыт. Множества копыт.

Кто может следовать за Всадником?

Звук усиливается, становится громоподобным.

Я вновь выглядываю из оконного проема. От увиденного дыхание вновь перехватывает: узкую дорогу заполнили сотни конных воинов, вооруженных луками, мечами, саблями...

Сердце колотится все быстрее, но я стою неподвижно и боюсь даже вздохнуть. Я жду, когда они проедут, но поток все не иссякает — за всадниками следуют пехотинцы, следом катятся повозки. Чем дальше я смотрю, тем понятней становится: их не сотни — тысячи. И все они следуют за Войной.

Всадник Апокалипсиса не просто почтил своим визитом Иерусалим.

Он решил захватить город.